

Сборник рассказов

**ОГРЫЗКИ
ЗАПРЕТНОГО**

КАРИНА ГРАФЕНБЕРГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Карина Графенберг

Огрызки запретного.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42675948

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказы разных жанров – «огрызки» запретного плода любых сортов. Кисло-сладкие, хрустящие, богатые витаминами. Книга для взрослых, которые в душе всё ещё дети, но уже немного озлобленные и уставшие, как и герои рассказов. Каждый из них по-своему одинок и не в себе, но готов действовать и расхлебывать последствия собственных действий... Есть отсылки к библейским сюжетам, не рекомендуется религиозным читателям. Красной нитью проходит образ некой неприятной субстанции, которая, тем не менее, нужна и важна. Ведь без неё не вырастут яблоки и не родятся черви. А как без червей мы поймем, где самое вкусное яблоко?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Накрыло	4
2. НэверБорн	16
3. Космокролик	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

1. Накрыло

17 апреля

В семнадцатый день четвертого месяца меня разбудил резкий неприятный запах, ударивший в нос посреди ночи. Город спал. Я лениво потянулся, зевнул, нашарил под кроватью тапочки и пошел проверять стоки, закутавшись в теплое одеяло. В ванной и на кухне трубы были в полном порядке, мусор я выбросил ещё вчера, а в холодильнике портиться и нечему.

Должно быть, это соседка Степанида Михайловна опять кашеварит для кота похлёбку из кобыльих хвостов и копыт. Ух, ведьма, провалиться б ей сквозь землю!

Я открыл окно, чтобы проветрить комнату, но оттуда на меня отчетливо повеяло дерьмом. Закашлялся, стало ясно – источник смрада снаружи, плотнее закрыл окно. Видимо, решил я, прорвало городскую канализацию, скорее бы починили. Ушел дальше спать.

К утру зловонье усилилось. Под не греющим солнцем из окна я увидел большую лужу, растекающуюся по двору. Позвонил Наталье, но её номер не отвечал. В телеке ведущая новостей сообщила об аварии, и о том, что улицы затапли-

вают сточные воды, причина выясняется.

Восхитительно, – пробурчал я себе под нос, они даже не знают, где у них труба лопнула! Впервые за месяц обрадовался, что остался без работы – можно никуда не идти и не соприкасаться с этой скверной.

18 апреля

Телефон Натальи всё ещё не отвечает. Средний уровень канализационных вод по городу, если верить новостям, достиг 40 сантиметров. Место поломки продолжают искать.

Вода в ванной, туалете и раковине больше не спускает. Малую нужду справляю по пустым бутылкам, «большая» пока терпит, заранее готовлю газеты с пакетами на случай острой необходимости. Питаюсь в основном картошкой, благо её у меня целый мешок, банки консервированного лосося тоже пришлись кстати. Запас воду во все имеющиеся свободные тары, пока есть такая возможность. Не зря я почиывал на досуге инструкции выживальщиков. Больше всего раздражают мошки, их тут теперь полно и они кусаются. На коже стала проявляться сыпь, чешется, стены в доме покрывает плесень, в голову упорно лезут мысли об апокалипсисе.

Вонь уже почти не ощущается, принимаю. Человек такая скотина, ко всему привыкает. Наблюдаю с балкона, как машины колесят по разбавленному водой говну – джипы кое-как справляются, остальные буксуют и глохнут.

Ушлый дедок из соседнего подъезда промышляет ходулями – строгает их из чего попало – лыж, шкафов, плитусов. В любой ситуации человек с руками, головой и коммерческой жилкой найдет способ озолотиться. Жаль, я не такой. Люди перемещаются на этих ходулях как цапли, путаются, теряют равновесие и шмякаются прямо в какшки. Смешные. Почти средневековая Европа.

19 апреля

Все коммунальные службы задействованы. Приняты все возможные меры по устранению чрезвычайной ситуации. Вот и все, что мы знаем на сегодня о случившемся из местных теленовостей. Ничего мы не знаем, собственно. Зато Наталья наконец-то ответила на мой звонок:

– Привет, Наталья, мы в дерьме.

– Ты давно в дерьме.

– Это да. Соскучился, где ты?

– Я больше не приду.

– Понятно. А как же твои вещи?

– Выбрось их.

– Ладно.

Так и знал. С самого начала знал. Могла бы и раньше сказать, хоть не мучился бы в догадках.

Вода достигла уровня второго этажа. Ходули уже неактуальны, теперь все перемещаются только на лодках. Красота,

Венеция! У меня нет лодки, да и перемещаться мне вообще-то некуда. Люди с нижних этажей по подъезду, из тех, кто не сбежал, покинули затопленные жилища и обосновались прямо на лестнице. Увидел среди этих бедолаг беременную женщину, пригласил перебраться к себе, жалко её всё-таки, на холодном сидит, она согласилась.

Её зовут Динара, у неё запас копченых колбас и влажных салфеток. Мы отлично пообедали, при свечах, электричество вырубил часа два назад. Странно, я и она живём здесь уже лет пять, а увиделись вот впервые, отличная женщина, бойкая, немногословная, по-житейски мудрая, с такой не пропадешь.

Занялись сексом, незатейливо так, по-животному, сам не знаю, как так вышло. Наверное, просто больше нечем было заняться, или, может, дело в том, что в стрессовых ситуациях инстинкты всегда берут управления нами на себя. Никогда раньше не трахался с беременными, признаться, довольно необычно.

23 апреля

Город накрыло дерьмом и отчаянием. Запасы еды и воды на исходе. У Степаниды Петровны купил банку клубничного варенья за два косаря. Динара была счастлива, умяли его минут за пять. Сидим с ней на крыше, свесив ноги вниз, платье Натальи из какого-то дорожущего бутика Динаре очень к ли-

цу, а я в костюме похож на школьника. Непрактично это всё, конечно, но хочется праздника. Под нами метров на три вниз бушует смрадное море. Не знал, что в нашем городе столько дерьма. Не знал, что во всём мире есть столько дерьма, а, поди, ж ты. Будь это сон, непременно решил бы, что очень скоро разбогатею, но, к сожалению, я не сплю.

В массах царят упаднические настроения, бытует мнение, что мы все умрём, причём очень скоро и самым неприглядным образом – захлебнемся в дерьме.

Я смотрю на проблему философски. Честно говоря, я всю жизнь подозревал, что всё кругом – дерьмо, а сейчас, когда вижу живое, наглядное, булькающее и смердящее тому подтверждение, мне даже как-то спокойнее.

Стало ясно, что я ошибался. Источник смрада не снаружи, нет. Он внутри нас. Всё окружающее есть прямое следствие того, что внутри, а внутри мы давно погрязли в дерьме, все мы, полностью. Как там было? Помышления сердец наших одно лишь зло во всякое время, что-то типа того.

Это кара Господня. Всемиловитый бог топил своих тварей в воде, жёг огнём, подвергал испытаниям голодом и болезнями, а теперь решил вот, что нам суждено погрязнуть в своих же нечистотах. Это мудро, справедливо и весело, не виню его, сам сделал бы так же.

В прошлые дни мы всё вглядывались вниз, на подступающее говно, причитая и пытаясь оценить масштабы бедствия. Но теперь ситуация набрала столь критическую массу, что

смотреть вниз уже нет никакого смысла и желания – сейчас наши очи устремлены только вверх – в небо.

А небо красивое, точно теперь знаю. И каждый раз с новым настроением и узором – то синее, то зеленое, а иной раз на закате – розовое, руки просят холст и акварель. В небе сегодня показался вертолёт. Мы уже было обрадовались, что помощь пришла, но это оказалось преждевременно. Как мы ни махали ему, как ни кричали, он пролетел мимо нас, я думаю, сознательно. Вертолёт направился в район бизнес-квартала, к тем элитным новостройкам. Во мне разыграл праведный классовый гнев. Неужели жизнь богатых важнее наших, какого чёрта?

Я оглядел собравшихся на нашей крыше – Степанида с котиком, старики, дети, беременная на шестом месяце Динара да я. На соседних домах никого, очевидно, люди вовремя просекли, что место здесь гиблое, и смотались на своих ходулях, джипах и лодках в более благополучные локации. Кажется, выбора у меня теперь не оставалось.

– Я поплыву за помощью, – объявил я, стараясь звучать максимально громко и уверенно, но вышло как-то хриловато, а вместе с тем пискляво и удручающе.

– Может, ещё подождём? Вдруг они вернуться за нами? – предложила Динара.

– Больше ждать нельзя, у нас кончается питьевая вода. Надо брать дело в свои руки. Я пошёл.

Степанида Петровна запричитала, перекрестила меня и

прижала к себе поближе котика. Я собрался с духом, скинул пиджак. Не глядя вниз, чтобы не струсить, прыгнул в зловонные воды. Бездна разверзлась, я ушел под воду на несколько метров, быстро выплыл, соседи зааплодировали. Я показал вверх большой палец и погрёб в сторону новостроек, подавляя приступы рвоты.

До бизнес-квартала пешком отсюда минут пятнадцать, но я неважный пловец, поэтому плыл где-то с полчаса, по внутренним ощущениям. Когда уставал, ложился на спину отдыхать, жижа ласково держала меня на поверхности, убаюкивала. Главное тут следить, чтобы вода не попадала в рот и глаза, получаться стало не сразу.

Я доплыл до самого высокого и элитного здания нашего города. Этот нелепый розоватый гигант всегда напоминал мне фаллос, но в народе его прозвали монолиткой.

Проплыв вокруг, я нашел наружную лестницу на крышу и вскарабкался наверх, чудом не соскользнув.

Чутье не подвело, здесь столпилось гораздо больше людей, чем на нашей крыше, и здесь же обосновался вертолёт. Несколько медиков в куртках с крестами и чемоданами лекарств бегали туда-сюда. Я решительно направился к вертолёту, двое крепких мужчин силой остановили меня.

– Пустите! Там люди ждут, их надо перенаправить сюда. Там женщина беременная!

– Встаньте в очередь вместе со всеми, разберемся без вас.

– Да вы все вообще того! Дайте мне лодку и воды! – бес-

помощно кричал я.

– В очередь! – приказным тоном выпалил бугай и оттащил меня за шиворот, как котенка.

На крики прибежала девушка, я сразу узнал её – Наталья. Удивительно, как в данных обстоятельствах ей удалось сохранить такой опрятный и цветущий вид. Она смотрела на меня, мокрого, обтекающего дерьмом, во взгляде читалась смесь жалости и отвращения.

– Я знала, что это ты кричишь. Вот, возьми, – она ласково протянула мне плед.

– Обойдусь.

– Иди за мной.

Я не хотел идти, но подчинился. Не время сейчас приередничать, пришлось плюнуть на гордость, ведь Наталья могла помочь, а во мне возростала ответственность за покинутых людей. Она подошла к лысому мужику, обняла его, шепнула что-то на ухо, кивком указывая на меня. Мужик усмехнулся.

– Ты можешь встать здесь с нами, в начале очереди, – Обратилась она ко мне. – Скоро прибудет корабль, на всех там не хватит, понимаешь, но тебе мы найдем место.

– Меня ждут люди, человек десять на нашей крыше, им нужно помочь.

– С каких пор ты помогаешь соседям? Всегда же говорил, что ненавидишь их всех. Что каждому готов под дверь навалить кучу и перфоратор засунуть в задницу?

– С тех самых пор, Наталья, как все мы оказались в одном дерьме.

Она смотрела на меня в упор, взгляд был так пуст, что я даже испугался. Всегда ли она была такой равнодушной или только с недавних пор? Мог ли я не замечать всё это время за всеми этими её завлекательными штучками, что за человек рядом со мной? Я и сам, конечно, тот ещё циник и грубиян, но есть же что-то такое едва уловимое, базовое, человеческое в каждом из нас? Что-то, что проявляется именно в такие моменты. Или всё-таки не у всех?

– Моё дело предложить, действуй, как считаешь нужным.

Она обиженно фыркнула и отвернулась, я так и не понял, правда ли она хотела помочь мне – или только унижить? Зачем ей это? Неважно. Я вдруг отчетливо почувствовал себя классическим неудачником при классической же красоте. Не просто классическим – архетипичным, лузером-ортодоксом, экспонатом в музее лузерологии. Всё это настолько банально и шаблонно, что тошно. Как я допустил, что моя жизнь превратилась в это?

Решил пока оставаться здесь и посмотреть, что будет дальше. Корабль действительно прибыл. Люди подняли панику, но бугаи мигом всех утихомирили. Очередь ползла. Каждому на руки выдавали коробку с бутылкой воды, сухим пайком и предметами первой необходимости. Люди брали коробки и проходили на борт.

– Мне нужно несколько. Лучше десять, но хотя бы три,

меня ждут люди.

– Не положено. Одна на руки. Берите и поднимайтесь на борт.

– Я не пойду, не нужен мне этот ваш Ковчег-Титаник, дайте воды и лодку.

– Если не проходите, отойдите в сторону и не мешайте.

Я взял свою коробку и поплелся назад к лестнице. Одной двухлитровой бутылки, конечно, нам всем не хватит. Ну, хоть что-то. Рядом с лестницей заметил чью-то пришвартованную резиновую лодку и присвоил её. Надеюсь, тот, кто приплыл на ней сюда, уже сидит в корабле.

Отплывая, я слышал гул – тем, кому не хватило места на корабле, громко возмущались, им в рупор объявили ждать. Непонятно, сколько и чего. Просто ждать.

На нашей крыше меня снова встречали аплодисментами. Первый раз в жизни я вдруг почувствовал себя героем, приятная перемена. Ну, просто день контрастов. Старики, дети, Динара и Степанида с котиком кое-как по балконам и веревкам из простыней спустились ко мне в лодку. Паёк разделили справедливо, каждому досталось по печеню и глотку воды, прочее оставили на потом.

Мы плыли, сами не зная куда, но хотелось верить, что в светлое будущее. Из ассоциаций как назло, оставались только те, что про Стикс с Хароном. Никто не знал на самом деле, верным ли был наш выбор. Но всегда легче переживать беду, когда пытаешься что-то сделать с ней. А не просто ждешь.

Потом пошёл дождь, вернее сказать – ливень. От него нам сделалось до одури зябко, но зато получилось набрать ещё немного чистой воды. Мы прижимались ближе друг к дружке, чтобы не околеть, Динара крепко держала меня за руку и находила для каждого слова утешения. Зловонная жидкость от тяжелых капель шла пузырями.

Круговорот мыслей в моей голове, что копошились там беспокойными букашками, постепенно стих.

А потом дождь кончился, из облаков выглянуло солнце и показалась радуга, мы обрадовались, как малые дети и принялись обниматься. Мимо нас гордо, как знамение, пролетел голубь. И не тот серый, городской, какие ошиваются в каждой подворотне, а белоснежный. Таких голубей арендуют, чтобы картинно пустить их в небо на свадьбу. Такие голуби олицетворяют мир.

Неожиданно для всех, дерьмо стало уходить, словно отступая перед какими-то высшими силами. Мы чувствовали, как лодка вместе с уровнем воды стремительно опускается всё ниже и ниже, будто где-то вынули пробку из слива. Будто чьи-то заботливые руки осторожно возвращают нас к жизни. Определенно новых нас и не иначе как к абсолютно иной жизни.

Дерьмо сошло с лица земли, никто так и не понял, откуда оно взялось и куда пропало, но знали, больше оно уже не возвратится.

В воздухе всё ещё витал легкий канализационный шлейф,

но к нему уже примешивались нотки чего-то свежего, солнечного и цветущего. Пахло весной! Божья благодать снизошла на нас! И даже небо было чистым и белоснежным, как рубашка после стрики правильным порошком или лист формата А4.

И вышел я из лодки вместе с Динарой, бабкой Степанидой Михайловной, с котиком, с пенсионерами и ребяташками нашего подъезда. Вгляделся в лицо Степаниды, и вовсе она не ведьма, а даже вполне красивая женщина, наверняка в молодости блистала.

И весело заплясали мы на земле, размешивая остатки теплой жижи ногами, и разошлись мы по городу, по домам своим, убираться, налаживать быт, плодиться и размножаться. И обсохла земля, и зажили мы впредь дружнее и интереснее, но это уже совсем другая история.

2. НэверБорн

Всё началось в пятницу, когда мать пришла с работы раньше обычного. Она странно и зловеще улыбалась, а в руках у неё был большущий голубой пакет. Коротко поздоровавшись со мной, она прошмыгнула в свою комнату и не выходила оттуда несколько часов. Я забеспокоилась, постучала, никто не отозвался на стук, тихонько зашла.

Зрелище, развернувшееся перед моим взором, было поистине пугающим.

Мама вертела в руках уродливую куклу младенца, укачивала его и кормила из бутылочки. На меня она обратила внимание не сразу.

– Знакомься, это Кирюша, твой братик.

Я не знала, что и сказать, всё это было похоже на какую-то шутку. Моя мать всегда была разумной женщиной, уважаемым доктором, профессором в университете. Ещё утром за завтраком мы вместе пили кофе, обсуждали новости, ничего не предвещало беды. Как так могло произойти, что у неё вдруг в одночасье поехала крыша?

– А можно мне подержать Кирюшу? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, конечно, дорогая, только, пожалуйста, очень осторожно.

Пупс был отвратителен. Не просто реалистичный, а слов-

но бы все нюансы новорожденного нарочно гиперболизировали в его облике. Крохотное легкое тельце с мягким покрытием, имитирующим кожу, где учтены малейшие детали: родинки, складочки, младенческие опрелости и припухлости. На голове осязаемый родничок и пушок первых волос. Особенно дурно становилось от лица Кирюши – оно было сморщенное как сухофрукт, дополнял образ приоткрытый рот с потрескавшимися губами, на которых застыла имитация белёсой слюны.

Кто додумался выпустить такую игрушку? Что за больное воображение сотворило сие? Держа эту холодную неподвижную куклу на руках, я не могла отделаться от ощущения, будто это труп ребенка.

Я передала Кирюшу матери, она нежно взяла его и понесла переодевать, напевая колыбельную:

«Ла-ла-ла, ла-ла-ла
Ничего не бойся сынок,
Ночь сама боится огня.
Нам с тобой улыбнулась луна,
Кружит звездочек хоровод.
Это добрая фея сна
За собою тебя зовет
Спи, малыш, закрывай глаза.
Ждет тебя необычный путь.
Ждут загадки и чудеса
А для этого надо уснуть.»

Её голос звучал так ласково, но совершенно неестественно. Будто это была какая-то другая женщина, кто угодно, но не моя мать. Моя мать другая – серьезная, отстраненная, слишком занятая для всяких глупостей и телячьих нежностей.

Воспользовавшись тем, что до меня ей нет никакого дела, я залезла пакет, в котором мой новый братик прибыл.

В нём я нащупала коробку и каталог кукол. Это слегка успокоило меня и убедило – Кирюша не труп, он – супер-реалистичная кукла-младенец компании НэверБорн.

Поплохело с новой силой мне тогда, когда я увидела чек. Стоил этот шедевр игропрома как годовая зарплата моей матери.

Заснуть в эту ночь у меня не получалось. Чудился плач младенца, то ли с улицы, то ли от соседей, то ли из маминой комнаты. Вот только ни у кого из наших соседей не было маленьких детей, а в Кирюшу не встроена такая функция. Кажется, я тоже начинала сходиться с ума.

Все выходные мать носилась с куклой, лепетала, улюлюкала и встречала поток курьеров. Они привезли колыбель, пеленальный столик, коляску и кучу других детских товаров. Кирюша заполонил собой всё. Продукты в холодильнике заканчивались, мать питалась кашами и фруктовыми пюре вместе с младенцем, от моей просьбы дать денег на еду она мастерски увиливала.

Дело набирало серьезные обороты, обратиться за помощью мне было абсолютно не к кому, ведь своего отца я не знала, а бабушка умерла пять лет назад. Эх, баба Тоня, она бы вмиг вернула мать с небес на землю.

В понедельник мама не пошла на работу. На мои робкие возражения она парировала:

– Какая работа? Я в декрете по уходу за ребенком!

Крыть было нечем. Я решила, что тоже прогуляю школу какое-то время. Как знать, вдруг за время моего отсутствия мать заиграется так, что вообще забудет кто я, и попасть домой я уже не смогу?

Попытки больше узнать о Кирюше или поймать маму на логической не состыковке с треском проваливались. Неудобные вопросы она просто-напросто игнорировала.

– А почему ты решила завести ещё ребенка? Это так внезапно.

– Ну, внуков-то от тебя всё никак не дожждаться.

– А он это, ну, усыновленный, да?

– Разумеется, нет, я носила его под сердцем.

– Но я не видела тебя беременной.

– Ты ничего вокруг себя не замечаешь.

– А тебе не кажется, что он, э-э-э, немного странно выглядит?

– Откуда тебе знать, как выглядят младенцы? Кирюша самый красивый мальчик на свете.

Шли дни, маразм крепчал. Однажды, мать пошла в душ,

а я решила воспользоваться моментом и действовать. Затея была откровенно глупой, но ничего лучше мне не пришло в голову.

Безумные времена требуют безумных мер. Я подошла к колыбели, могу поклясться, но выражение лица Кирюши с последнего раза изменилось. Теперь оно было не сонным, как раньше, а каким-то недовольным.

Я вытащила из-под его головки подушку, накрыла его лицо сверху, придавила со всей силы и держала минут десять, чувствуя, как кровь закипает от злости.

Подняла, ничего в нём не изменилось. Ну, а на что я, собственно рассчитывала? Хоть немного спустила пар. Уложила всё как было, ушла к себе.

Напряженно вслушивалась в то, как мать закрывает кран, вытирается, идёт по коридору. Крик. Неужели? Подбегаю к ней.

– Что случилось?

Мать зашлась рыданием.

– Кирюша, мальчик мой, задохнулся, звони в скорую.

Дальше началась череда абсурда, не виданного ранее. Приезд медиков, установивших смерть, полицейский, допрашивающий меня и мать, благо, удалось кое-как от него отбрехаться. Ритуальная служба, выбор гробика, кладбищенского участка, траурных принадлежностей. Похороны обошлись в круглую сумму, на лацкане одного из сотрудников, проводивших церемонию, я разглядела эмблему Нэвер-

Борн.

Мать рыдала, гроб опускали в землю. «Спи, малыш, закрывай глаза. Ждет тебя необычный путь. Ждут загадки и чудеса. А для этого надо уснуть» – крутились у меня в голове слова колыбельной.

– Прости меня сыночек, не уберегла. Будете теперь с Настенькой вдвоём с облачков на нас смотреть, – причитала она.

– С какой ещё Настенькой, мам?

– Выкидыш был, сердечко остановилось у доченьки. На тридцатой неделе. До тебя ещё.

Не считая большого кредита, жизнь постепенно вошла в прежнее русло. Мать вернулась на работу, многое из детских вещей мне удалось продать. На сайте НэверБорн я нашла истории женщин, которые с головой ушли в мир своих вечных детей, они устраивают для них вечеринки, ходят на прогулки, ведут сообщества и выкладывают фото-истории.

С тех пор я стараюсь чаще общаться со своей матерью, больше времени проводить с ней, интересоваться её чувствами и мыслями. И хотя наши отношения стали гораздо ближе, меня не покидает страх, что однажды я вновь увижу у неё ту безумную улыбку и большущий пакет.

Уже потом, спустя годы после этих событий, я разобралась в документах и нашла два свидетельства – о рождении и о смерти Кирилла. Удивительно, но они были неотличимы от настоящих, никаких особых пометок, как на фальшивых

купюрах. Неужели компания Нэверборн для пущей реалистичности занимается подделкой документов? И как им такое сходит с рук? Впрочем, лучше об этом и не задумываться.

3. Космокролик

Офис психотерапевта удобно расположился недалеко от моей работы, на двадцать пятом этаже зеркального небоскреба. Холл встретил яркими стенами, креслами-подушками и картинами в духе современного искусства – типичный оголтелый дизайнерский креатив. В модном журнале «Мужской взгляд», который я читаю каждый месяц, реклама центра душевного здоровья Макса Фальковски занимала целый разворот, звезды поп-эстрады и спорта наперебой отзывались о Максе, как о высококлассном специалисте, что помог им преодолеть кризис и обрести устойчивую гармонию с собой и миром.

Ждать долго не пришлось, милая девушка на ресепшене поверила моё имя по списку и сразу же пригласила в кабинет, я даже не успел сосчитать, сколько голов было у той негритянки, лихо оседлавшей лосося на холсте.

Макс в жизни выглядел ровно так же, как на страницах журнала – подтянутая фигура, идеальная улыбка, аккуратно зачесанные волосы, стильный твидовый пиджак. Рядом с ним сразу становилось как-то неловко за собственные несовершенства.

– Добрый вечер! Я Макс, рад приветствовать вас, присаживайтесь, пожалуйста, – поздоровался он, широко улыбаясь и протягивая ладонь для рукопожатия.

– Приятно познакомиться, Филипп, можно просто – Фил, – ответил я, пожал руку и рухнул в кресло как мешок с картошкой.

– Рассказывайте, Фил, что привело вас ко мне?

– Да знаете, много всего навалилось в последнее время, даже не знаю, с чего и начать.

– Начните с того, как прошел ваш вчерашний день.

– Вчера мы с дочуркой Соней ездили в гости к Маргарите. Встреча вышла как всегда какой-то безжизненной. Дежурные фразы, неловкие паузы, наигранные эмоции. Думаю, нам всем понятно, что в таком общении нет пользы и радости ни для меня, ни для неё, но зачем-то мы все равно встречаемся, ведь так положено.

– Маргарита, как вижу из анкеты, это ваша мать?

– Да.

– Вы всегда зовёте её Маргаритой?

– Её все зовут Маргаритой.

– Но вы ведь её единственный ребенок. Вполне логично, что другие люди называют её Маргаритой, а вы – мамой, разве нет?

– Да, наверное.

– Хорошо, попытайтесь вспомнить, о чём именно вы говорили, и какие чувства в вас это вызывало?

– Ничего особенного, по большей части – дела на работе, молочные зубы Сони, всякое такое. Действительно неприятно мне стало, когда она решила показать дочке альбом с мо-

ими детскими фото, даже не посоветовавшись со мной.

– А что такого плохого в том, что Соня увидит своего папу ребенком? Это же довольно забавно, не находите?

– Понимаете, там было то моё фото, с кроликом. А Соня, она сейчас в таком возрасте, это ходячая почемучка, ей всё надо знать. Она теперь не может выкинуть этого кролика из головы, постоянно о нем говорит, это сводит меня с ума!

– Как любопытно. Расскажите об этом кролике.

– Маргарита, моя мать, всю жизнь трудится в частной космической корпорации. В тот день она пригласила меня и няню к себе на работу, на экскурсию, я был так счастлив, что проведу с матерью целый день и увижу её загадочный храм науки! Они готовили миссию, полёт к одному из спутников Юпитера. В обязанности Маргариты входил уход за кроликом, это, конечно, был не обычный кролик. Ему предстояло отправиться в космос. Помню, я увидел его и страшно разозлился. Мне было обидно, что всё внимание моей матери достается какому-то кролику, а не на собственному сыну. Именно поэтому на том фото у меня суровое выражение лица.

– То есть, вас раздражает, что кролик завладел вниманием дочери, как когда-то вниманием матери?

– Не совсем так. Хотя интересная мысль, я не думал с этой точки зрения. Кролика отправляли к спутнику Юпитера, чтобы собрать показатели о функционировании организма в условиях такого полета. Это помогло бы в дальнейшем

полететь туда и людям. Но понимаете, проблема в том, что даже путешествие в один конец туда длится шесть земных лет. А жизнь кролика не такая уж большая. В стрессовых условиях у него был крайний маленький шанс выжить, но все-таки, нельзя отрицать, он был. А миссия не предполагала его возвращения на Землю. Капсула с кроликом, как я узнал, будучи уже студентом, передала собранные показатели о спутнике и о состоянии кролика, а затем просто направилась на бешеной скорости к слоям атмосферы, в которых и сгорела. Кролик был ещё жив. Он преодолел полёт, все шесть лет мучения – заточение в тесной капсуле, без движения, с автоматизированным питанием, и мог бы теоретически преодолеть ещё шесть, вернуться домой, но ему даже не дали шанса. Его бросили там, в этой чёрной бездне. Как самого одинокого животного во Вселенной.

– Знаете, Фил, я сейчас не обесцениваю ваши чувства, вы имеете на них право, но тысячи кроликов умирают ежедневно просто для того, чтобы стать для кого-то ужином. А этот кролик настоящий герой, стоило ли мучить его ещё шесть лет? Он вряд ли смог бы вернуться к нормальной жизни после такого, даже если бы перенес возвращение. Я уверен, для этого решения были основания. Вы стали вегетарианцем сразу после этого случая?

– Да. Я интересовался судьбой кролика все шесть лет полёта. Да что там я, весь мир следил за этим. В прессу, конечно, вся правда так и не просочилась. Но когда я узнал,

что они просто поджарили его, то был в ужасе! Прекратил общение с матерью на четыре года, отказался от мяса, стал активистом в движении против эксплуатации животных.

– А как на эту историю отреагировала Соня?

– Я не дал матери рассказать ей всего, она же ещё ребенок, пусть хоть какое-то время думает, что мир прекрасен и удивителен.

– Но она продолжает спрашивать, да

– Да, на ночь я рассказал ей сказку про Космокролика, пришлось импровизировать, кажется, на какое-то время это поможет.

– Можете вспомнить сказку?

– Да, попробую. Космокролика зовут Лопушок, он давний потомок первой крольчихи в космосе – Марфы. Это, кстати, чистая правда. Ну а дальше – мой полёт мысли, рассказал так, как хотел бы, чтобы всё это было. Что ученые сделали для него удобный скафандр с выемками для его длинных ушек и хвостика, и соорудили ракету в форме морковки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.